

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ

БАЙРОНА.

КЪСНЯ ШЕСТАЯ.

I.

«Въ людскихъ дѣлахъ бываетъ иногда
Прилива часъ»... всё помять окончанье (*).
Мы это знали многіе года,
Хоть рѣдко, несмотря на все старанье,
Улавливать могли тотъ самый часъ.
Но все на свѣтѣ къ лучшему для насъ:
Начало дѣлъ всегда бываетъ скучно,
Потомъ кончаемъ ихъ благополучно.

II.

И въ жизни женщинъ тоже есть приливъ,
Въ него попавъ, зайдемъ Богъ вѣсть куда мы.
Гдѣ тотъ морякъ, который уловивъ
Теченіе капризной мысли дамы,
Могъ указать намъ безопасный путь?
Мы не привыкли думать какъ нибудь,
Въ насъ страсть передъ разсудкомъ нашимъ гнется,
А женщина вся сердцу отдается...

(*) Шекспиръ въ Юліи Цезарь (актъ IV, сцена)

III.

А между тѣмъ капризная жена,
 Прекрасная и съ волей неизмѣнной,
 Готовая — боится ль жертвѣ она? —
 Пожертвовать и трономъ и вселенной,
 Готовая луну съ небесъ сорвать,
 Чтобъ только страсть могли съ ней раздѣлять, —
 Опасна всѣмъ, какъ порожденье ада,
 Но ей душа всегда отдаться рада.

IV.

Отъ честолюбцевъ мѣръ дрожалъ кругомъ
 И троны потрясенные дрожали,
 Но если страсть свершила тотъ погромъ,
 Мы ей скорѣй за это извиняли.
 Антоній намъ съ хорошей стороны
 Извѣстенъ сталъ не какъ герой войны,
 И Акциумъ, потерянный или лже,
 Царицы Клеопатры, намъ дороже.

V.

Жаль, что тогда ихъ юность отцвѣла:
 Вѣдь молодость на траты не скупится —
 Богатства, царства — все бы отдала...
 Когда мнѣ въ первый разъ пришлось влюбиться,
 Я отдалъ все, что только могъ отдать,
 Я отдалъ сердце: царствомъ могъ назвать
 Я чувства первыя, — все царства въ свѣтъ
 Не возвратятъ теперь мнѣ чувства эти.

VI.

Любовью первой юность хороша.
 Тотъ, кто любилъ однажды, это знаетъ
 И каждый можетъ думать не грѣша,
 Что первыхъ чувствъ намъ жизнь не возвращаетъ.
 Богъ есть — любовь, сама любовь есть Богъ,
 Иль имъ была, когда еще тревогъ,
 Грѣховъ и слезъ земля не испытала,
 Когда любовь одна въ ней управляла.

VII.

Героя мы оставили давно,
 Читатели, въ опасномъ положеньи,
 Гдѣ ждять ему, казалось, мудро
 Отъ грознаго Султана снисхожденья.
 За грѣхъ такой простить едва ли онъ,
 Какъ мудрый стоикъ, римлянинъ Катонъ,
 Который уступилъ свою супругу —
 Гортензію, другу и другу.

VIII.

Вина Гюльбен каждому ясна,
 Я въ этомъ сознаюсь и сожалью,
 И какъ она виновна и грѣшна,
 Скрывать я не хочу и не умѣю,
 Надъ ней ума была безсильна власть,
 А страсть сильна, клочущая страсть...
 Притомъ султанъ былъ старъ и дряхль, къ тому же
 Двѣ тысячи наложницъ есть у мужа!...

IX.

При строгомъ вычисленіи придемъ,
 Поставивъ въ рядъ года ея султана,
 Мы къ выводу совсѣмъ иному въ томъ:
 Бездѣлье жонъ доводитъ до обмана.
 Вѣдь если мужъ всѣхъ ихъ равно ласкалъ
 И поровну любовью награждалъ,
 То, вѣроятно, позже или раньше —
 Не забывалъ супругъ и о султаншѣ.

X.

Извѣстно намъ, какъ говоритъ молва,
 Что женщины стоятъ съ особымъ рвеньемъ
 За власть и за законныя права
 И дорезаютъ всегда своимъ владѣньемъ.
 Процессы ихъ преслѣдовали насъ
 Съ трибунъ судовъ уже не первый разъ,
 Когда онѣ лишь только замѣчали,
 Что ихъ права другія раздѣляли.
 Т. СІХ. Отд. I.

XI.

Что водится межъ женщинъ нашихъ странъ,
 То, принимая меньшіе размѣры,
 Бываетъ и у женщинъ мусульманъ,
 И можемъ указать мы на примѣры:
 Язычницы умѣютъ точно такъ
 Отстаивать нарушенный свой бракъ
 И ревность жонъ знакома разнымъ странамъ —
 И туркамъ злымъ, и добрымъ англичанамъ.

XII.

Къ тому жь Гюльбея пылкая была
 Четвертою женою у владыки...
 Въ полигаміи очень много зла,
 Отъ многоженства бѣдствія велика,
 Вѣдь скромный мужъ доволенъ и одной
 Подругою покорной и женой,
 И у него, какъ у сыновъ востока,
 Супружеское ложе не широко.

XIII.

Султанъ, гроза земли своей, пока
 Не сдѣлался добычею гробницы,
 И не попалъ на ужинъ червака,
 (Цари земли и гордая царица
 Той участи не могутъ избѣжать),
 Султанъ въ тотъ часъ былъ вправѣ ожидать,
 Что будетъ встрѣченъ въ спальнѣ неизбежно
 Своей женой и ласково, и нѣжно.

XIV.

Но ласки женщинъ нужно различать.
 Когда онѣ притворны и бездушны,
 Тогда мы ихъ умѣемъ принимать
 И къ нѣжностямъ холоднымъ равнодушны,
 Какъ къ женской шляпкѣ, сброшенной съ волосъ,
 И намъ цѣнить ихъ столько же пришлось
 Какъ это головное украшеньё...
 Намъ не такія дороги движенья!..

XV.

Невинный трепетъ, съ красною стыда,
 Восторга робость, скрытое желанье!..
 Вотъ чѣмъ плѣняетъ женщина всегда
 И поднимаетъ насъ до обожанья;
 Вотъ истинный любви ея залогъ
 Безъ бѣшеныхъ порывовъ и тревогъ...
 Въ любви не нужна, — думалъ такъ давно я, —
 Излишество и холода, и зноя.

XVI.

Чрезмѣрный жаръ, когда не ложенъ онъ,
 Не въ состояннн долго продолжаться,
 И даже тотъ, кто молодъ и влюбленъ,
 Ему не долженъ очень довѣряться,
 Какъ векселю невѣрному. Затѣмъ
 Могу сказать холоднымъ дамамъ всѣмъ,
 Что женщина съ холодною натурой
 Мнѣ кажется всегда огромной дурой.

XVII.

Мы холода не можемъ имъ простить.
 Намъ нравятся ихъ жаркня признанья,
 Ихъ страстный шепотъ любимъ мы ловить,
 Хотя бы въ нихъ встрѣчали изваянье
 Изъ льдины нашей сѣверной зимы...
 Нѣтъ, нѣтъ, въ любви девизомъ взяли мы:
 «Medio tu (Горація слова гѣ)
 Tutissimus ibis». Здѣсь «tu» не кстати,

XVIII.

Его включилъ я только для стиха,
 Цитату выставляя для примѣра.
 При томъ, — винюся, — послѣдняя строка
 Написана безъ всякаго размѣра
 И хуже строчки сдѣлать я не могъ,
 Но сдѣлай переводъ двухъ этихъ строкъ,
 Читатель мой, и, знаю я, тогда ты
 Проникнешься моралью той цитаты.

XIX.

Вошла ли въ роль султанская жена,
 И какъ вошла — мнѣ неизвѣстно это:
 Удача всюду женщинѣ нужна —
 Въ дѣлахъ любви и въ дѣлѣ туалета.
 Притомъ же всѣ привыкли въ мѣрѣ лгать:
 Лгутъ женщины, стараюсь насъ плавнять,
 Лжемъ сами мы, но это не тревожитъ
 И никогда любви мѣшать не можетъ.

XX.

Оставимъ спать высокую чету.
 Постель не троить, пусть спятъ они покойно,
 Вкушая въ сновидѣньѣхъ на лету
 Все, что названья радости достойно.
 Не весело терять намъ милый сонъ,
 И человекъ бываетъ утомленъ
 Не отъ большихъ волненій и напастей,
 Но отъ всеневныхъ, маленькихъ несчастій.

XXI.

Возня съ капризной, нервною женой,
 Кредиторы, долги большихъ итоговъ,
 Ребенокъ кривоногий, песь больной,
 Любимый конь, себѣ сломавшій ноги,
 Сварливая старуха, ни гроша
 Не давшая предъ смертью чуть дыша,
 Все это пустяками мы считали,
 Но эти пустяки насъ огорчали.

XXII.

Философъ я. Чортъ всѣхъ бы ихъ побралъ —
 Долги, мужчинъ, — я женщинъ включаю,
 Такимъ проклятемъ желчь я усмирялъ,
 Я легче съ нимъ несчастіе встрѣчаю
 И мыслямъ всей душою предаюсь:
 Но что такое мысль, душа? Боюсь
 Въ подобные вопросы углубляться...

. . . . .

XXIII.

Проклятiе полезно для меня,
 Какъ чтенiе той книги ужь не новой,
 Гдѣ, преисполненъ гнѣвнаго огня,
 Ты, Аванасiй, мудрый и суровый,
 Такъ страшно клялъ упавшаго врага!
 Намъ эта книга очень дорога,
 Какъ радуги явленье на лазури
 Во время лѣта послѣ сильной бури.

XXIV.

Супруги спятъ или спитъ одинъ супругъ...
 Какъ тянутся для женъ невѣрныхъ ночи!
 Онѣ не спятъ и мечутся вокругъ,
 И утра ждуть бессонныя ихъ очи,
 Однинь желаньемъ пламеннымъ горя:
 Когда на небѣ явится заря...
 Имъ хочется скорѣе дня дожидаться
 И мужа разбудить онѣ боятся.

XXV.

Подобныхъ женъ мужъ видѣлъ не одинъ.
 Встрѣчаются онѣ и въ бѣдной хатѣ,
 Ихъ прикрывалъ и пышный балдахинъ,
 Гдѣ въ простыняхъ рѣзной своей кровати
 Онѣ лежатъ, какъ «съ неба павшiй снѣгъ»...
 Да, бракъ — игра случайности въ нашъ вѣкъ.
 Женѣ султана и простолюдина
 Равно знакомы горе и кручина.

XXVI.

Въ своемъ нарядѣ женскомъ Донъ-Жуанъ
 Стоялъ смѣшавшись съ дѣвами гарема.
 Но вотъ толпѣ рукой махнулъ султанъ,
 Она, склонясь почтительно и нѣмо,
 По галлереймъ двинулась въ сераль,
 Гдѣ, скрывъ свои желанья и печаль,
 Прекрасныя созданiя толпились
 И въ ихъ груди сердца, какъ птички, бились.

XXVII.

Одинъ тиранъ мечтать о томъ любилъ,
 Что если бь міръ съ одной былъ головою,
 Онъ разомъ эту бь голову срубилъ,
 А я—былъ занятъ душою иною.
 Она капризна также, но чиста:
 Когда бь одни румяные уста
 Всѣ женщины могли имѣть, тобъ, мѣя,
 Подаловалъ ихъ разомъ на землѣ я.

XXVIII.

Счастливая Бриаре! Если ты,
 Имѣя столько рукъ и ногъ, могла бы
 И въ остальномъ для полной красоты
 Развиться также!... Впрочемъ, слишкомъ слабы
 Мы предъ невѣстою Титана и притомъ
 По Патагоніи скитаться не поидемъ,
 А возвратимся къ нашимъ лиллипутамъ,
 Къ роману ихъ и ихъ любовнымъ путамъ!

XXIX.

И вотъ, въ толпѣ прекрасныхъ одалыкъ
 По знаку Донъ-Жуанъ сталъ удаляться,
 Но такъ какъ онъ стѣсняться не привыкъ,
 То мимоходомъ началъ любоваться
 (Онъ въ Англии за этотъ же скандалъ
 На вѣрно бь строгой таксѣ подлежалъ)
 Ихъ тальями, открытыми плечами
 И жаркими, блестящими очами.

XXX.

Но все жь онъ роль свою не забывалъ...
 Они идутъ скользя по корридорамъ,
 Переходя изъ зала въ новый залъ
 И евнухи спѣшатъ вослѣдъ дозоромъ,
 А впереди старуха ихъ ведетъ
 Начальницей, исполненной заботъ...
 Ея боялись всѣ и трепетали
 И «матерью» всѣ дѣвы называли.

XXXI.

Могла ль назваться «матерью» она,
 Могли ль тѣ дѣвы «дѣвами» назваться —
 Не знаю я; исторія должна
 За истину подобную ручаться,
 Но въ этомъ насъ увѣрить безъ хлопотъ
 Иль Дмитрій Кантемиръ (*), или Де-Тоттъ (**);
 Старуха та за дѣвами слѣдила,
 Ихъ нравственность и чистоту хранила.

XXXII.

Хорошая обязанность! Мужчинъ
 При должности такой не полагалось,
 Ей только помогаль султанъ одинъ,
 Да стѣны, гдѣ ихъ юность сберегалась.
 Посредствомъ стражи, крѣпости замковъ
 Той спертой жизни холодъ былъ таковъ,
 Какъ въ кельяхъ бѣдныхъ узницъ заточенныхъ,
 Гдѣ много есть страстей, но затаенныхъ,

XXXIII.

Гдѣ ханжество — одинъ для нихъ исходъ...
 И такъ, восточныхъ женщинъ вереница
 Красивой, стройной поступью идетъ
 И каждая прекрасна, какъ царица,
 Задумчива и дѣвственна на видъ!..
 Такъ иногда по озеру скользятъ
 Въ его струяхъ, купаясь и бѣля,
 Душистая и нѣжная лилея.

XXXIV.

Когда жь онѣ вступили въ свой гаремъ,
 То, словно обитатели Бедлама (***),
 На волю убѣжавшіе совсѣмъ,
 Какъ женщины, разбившія упрямо

(*) Дмитрій Кантемиръ, молдавскій князь, котораго сочиненіе «Возвѣдиченіе и паденіе оттоманской имперіи» было переведено на англійскій языкъ,

(**) De-Tott. Memoirs of the state of the Turkish Empire. 1785.

(***) Домъ умалишенныхъ.

Свои оковы, начали онъ
 Пѣть и плясать и прыгать въ тишинѣ,
 И каждая веселью отдавалась,
 Болтала безъ умолку и смѣялась.

XXXV.

Болталъ о гостѣй новой ихъ кружокъ,
 И каждая подругу осматрѣла,
 Дивясь, что нѣтъ въ ушахъ серегъ,
 Что платье не къ лицу она надѣла.
 Однимъ она казалась молодой,
 Другимъ же нѣтъ, — и ростъ ея мужской
 Замѣтили, хоть многія желали,
 Чтобъ въ ней во всемъ мужчину отыскали.

XXXVI.

Но согласились всѣ въ томъ, что она
 Прекрасна и изящна, какъ картинка,
 Свѣжа и превосходно сложена,
 Ну словомъ, настоящая грузинка:
 «Такихъ невольницъ», начали шептать,
 «Опасно для Гюльбеи покупать:
 Вѣдь охладѣть султанъ къ супругъ можетъ
 И ей тогда и власть и тронъ предложить».

XXXVII.

Но вотъ что можетъ очень удивить:
 Когда онъ подругу осматрѣли,
 Въ ней прелести успѣли оцѣнить
 И зависти нисколько не имѣли,
 А въ случаяхъ такихъ прекрасный полъ
 Всегда завистливъ дѣлался и золъ,
 И новую красавицу едва ли
 Безъ тайной злобы женщины встрѣчали.

XXXVIII.

Хоть ревность и знакома имъ была,
 Какъ вообще всѣмъ женщинамъ на свѣтѣ,
 Но склонность ихъ особая влекла
 Къ подругъ незнакомой. Чувства эти

Мы магнетизмомъ можемъ объяснять,
Мы можемъ дьяволизмомъ ихъ навядать,
Иль чѣмъ нибудь другимъ, какъ вамъ угодно:
Пусть каждый разсуждаетъ здѣсь свободно.

XXXIX.

И такъ, къ подругѣ новой той породѣ
Въ нихъ чувство нѣжной дружбы пробудилось;
Хотѣлось имъ считать ее сестрой,
А у иныхъ желаніе явилось,
Чтобъ былъ у нихъ такой же точно братъ,
И на него бѣ — побьюсь я объ закладъ —
Красавицы гарема безъ печали
Всѣхъ падишаховъ въ мірѣ промѣняли.

XI.

Особенно плѣнились ею три:
То—Катинька, Дуду и съ ними Дола;
Прекрасныя, какъ алыхъ три зари,
Тѣ женщины, при общемъ сходствѣ пода,
Между собой не сходны были... Нѣтъ!...
Все разное: сложенъе, кожи цвѣтъ,
Лѣта и ростъ. Въ одномъ онѣ равнялись,
Что разомъ къ новой гостьѣ привязались.

XLI.

Какъ Индія, горяча и смугла
Красавица, что Лолой называлась;
Грузинка Катя рѣзвая бѣла,
Глазами голубыми отличалась
И ножками... подобныхъ не найду.
Но всѣхъ скорѣй свела бѣ съ ума Дуду,
Когда она на ложѣ возлежала
И нѣгою и томностью плѣняла.

XLII.

Съ Венерой спящей сходство было въ ней,
Но каждый сна бѣ, я думаю, лишился
Когда бѣ увидѣлъ жаръ ея очей:
Самъ Фидіасъ предъ ней бы преклонился.

Хотя быть может нѣсколько полна
 Казалась бы художнику она,
 Но все-таки она была прекрасна
 И осуждать въ ней что нибудь—опасно.

XLIII.

Нѣтъ живости особенной въ Дуду,
 Но вся она казалась утромъ мая
 (Иного я сравненья не найду),
 И томностью своею привлекая,
 Глаза безъ блеска манятъ... Я бь сказалъ:
 Такъ, оставляя хладный пьедесталь,
 Пигмаліона статуя явилась
 И въ женщину живую обратилась.

XLIV.

— «А какъ, —спросила Лола, —васъ зовутъ?
 — «Жуанною». — «А изъ какого края?»
 — «Испанка я». — «Испанцы гдѣ жь живутъ?»
 Спросила Катя; Катю поправляя,
 Сказала Лола: «Какъ тебѣ не грѣхъ
 Не знать о томъ! Вѣдь это, просто, смѣхъ!
 Испанія—есть островъ. Онъ... примѣромъ...
 Лежитъ между Египтомъ и Танжеромъ».

XLV.

Дуду, не отвѣчая, подошла
 И сѣвши близъ Жуанны, тихо стала
 Играть ея кудрями, начала
 Перебирать подруги покрывало,
 Какъ будто сожалѣя, что она
 Чужой толпой теперь окружена,
 Родимыхъ мѣстъ, друзей своихъ лишилась
 И въ незнакомомъ мѣстѣ очутилась.

XLVI.

Межъ тѣмъ «мать дѣвъ» красавицъ спать зоветъ:
 — «Мнѣ кажется, пора вамъ спать ложиться».
 Потомъ пошла къ Жуаннѣ: «Вашъ приходъ
 Такъ неожиданъ былъ, — распорядиться

Я не могла, постели ни одной
Здѣсь лишней нѣтъ, — вы ляжете со мной,
А завтра утромъ будетъ все готово...»
Тутъ Лола поспѣшила вставить слово:

XLVII.

— «Мамаша, нѣтъ, намъ нужно васъ беречь!
Зачѣмъ же ей вы будете стѣсняться?
Вѣдь и со мной Жуанна можетъ лечь
И намъ удобно вмѣстѣ помѣщаться...
Не надо, чтобъ у васъ она спала...»
Но Катя Лолу тутъ же прервала,
Замѣтивъ ей, что у нея есть тоже
Къ старухѣ состраданіе и доже.

XLVIII.

— «Къ тому жъ я спать и не люблю одна!»
— «А почему?» ворчитъ старуха Катѣ.
— «Да я большой трусихой рождена:
Все вижу привидѣнья у кровати,
И по ночамъ являюся ко мнѣ
То гяуры, то лѣшіе во снѣ»...
— «Ну, ваши сны, могу сказать заранѣ,
«Пожалуй, не дадутъ уснуть Жуаннѣ.»

XLIX.

«Вы, Лола, спать отправитесь однѣ,
Вы, Катенька, однѣ ложитесь тоже
И я хочу, — не возражайте мнѣ —
Жуанну положить къ Дуду на ложе:
Она скромна, не вздумаетъ бодтаться
И никому не помѣшаетъ спать...
Что скажете, дитя мое?» На это
Дуду (вогъ скромность!) не дала отвѣта,

L.

Но «мать» поцаловала между глазъ,
Подругъ поцаловала въ обѣ щеки
И, всѣмъ имъ молчаливо поклонясь
(Не знаютъ реверансовъ на востокѣ),

Она Жуанну за руку беретъ
И указать постель свою ведетъ,
На что подруги съ завистью смотрѣли,
Но при старухѣ злость сорвать не смѣли.

LI.

Онѣ идутъ. Вотъ комната (она
Зовется по турецки одой). Въ залѣ,
Гдѣ роскошь очень пышная видна,
Вдоль стѣнъ кровати женскія стояли.
Тамъ было все, что въ спальнѣ быть должно, —
Тамъ не было одной лишь вещи... но
Даже ей подруги обладали, —
Когда бы хорошенько поискали.

LII.

Я ужь сказалъ, Дуду была мила.
Въ ней блеска нѣтъ, но много обаянья,
И правильность лица ея могла
Смутить: такъ строго было очертанье...
Тѣ мягкія и вѣжныя черты
Полны неуловимой красоты:
Они порой художника тревожатъ,
Но не всегда ихъ передать онъ можетъ...

LIII.

Была картиной ясною она,
Гдѣ все — покой, любовь, отдохновенье;
Въ ней радость, какъ у многихъ, не шумна,
Ей не понятны страстные движенья...
Я страстные порывы испыталъ,
Морскія бури, бурныхъ женъ видалъ,
Но моряки не такъ еще несчастны,
Какъ тѣ мужья, которыхъ жены страстны.

LIV.

Знакомы ей лишь свѣтлыя мечты,
Невинностью она благоухала
И собственной блестящей красоты
Въ семнадцать лѣтъ еще не сознала.

Ей все равно: смугла она или нѣтъ,
 Къ лицу ли ей то платье, этотъ цвѣтъ,
 Блондинкою, брюнеткой ли считалась...
 Дуду собой совсѣмъ не занималась —

LV.

И потому была такъ хороша,
 Какъ, напримѣръ, дни золотого вѣка.
 (Его зовутъ такъ, въ истинѣ грѣша:
 Еще не вѣдомъ былъ для человека
 Такой металлъ въ тѣ древніе года;
 Иной металлъ извѣстенъ былъ тогда,
 Хотя никто, не исключая чорта,
 Не могъ сказать, какого онъ былъ сорта.

LVI.

Онъ изъ «коринеской бронзы» состоялъ,
 Гдѣ смѣсь была металловъ разнородныхъ;
 Но это только я предполагалъ).
 Отъ отступленій, къ дѣлу не пригодныхъ,
 Отдѣлаться не могъ я никогда.
 Мнѣ этотъ грѣхъ простите, господа!
 Простили? Нѣтъ? Мнѣ все равно. Я буду
 Свободно исполнять свою причуду.

LVII.

Но все жъ пора приняться за рассказъ.
 Дуду съ Жуанной спальню обходила
 И объясняла все безъ лишнихъ фразъ,
 А впрочемъ, толковала очень мило.
 Мнѣ въ голову сравненіе пришло,
 Хотъ пошлое, но выскажу на зло:
 Безмолвіе жены неговорливой
 Могу сравнить съ грозой молчаливой.

LVIII.

Съ ней говоря (я выражаюсь съ ней,
 Но, какъ Дуду, не нахожусь въ обманѣ),
 Спѣшила объяснить она скорѣй
 Обычай восточные Жуаннѣ.

И строгій цѣломудренный законъ
 Для дѣвственныхъ и сверхкомплектныхъ женъ:
 Чѣмъ болѣе красавицъ есть въ гаремѣ,
 Тѣмъ строже наблюдается за всѣми.

LIX.

Рѣчь поцалуемъ кончила Дуду.
 Дуду любила очень цаловаться.
 Кто жь поцалуей считаетъ за бѣду,
 Когда онъ чистымъ можетъ называться?
 «Очаровать» риѣмуется съ «лобзать»,
 И это въ жизни можемъ мы встрѣчать.
 Дай Богъ, чтобъ только не было печали
 И мы дурныхъ послѣдствій не встрѣчали.

LX.

Незнанія невиннаго полна,
 Тогда Дуду рѣшилась раздѣваться,
 Что очень скоро сдѣлала она:
 Не нравилось ей много наряжаться.
 Хотя Дуду смотрѣла иногда
 И въ зеркало, — но такъ въ струяхъ пруда
 Увидѣвши свое изображенье,
 Павлинъ приходитъ часто въ удивленье.

LXI.

Дуду раздѣлась скоро, но сперва
 Жуанинъ предложила всѣ услуги,
 Жуанна же, краснѣя (какова?),
 Не приняла услугъ своей подруги,
 Но дорого ей стоилъ тотъ отказъ:
 Проклятыми булавками сейчасъ
 Жуанна исколола обѣ руки...
 Придуманы булавки къ нашей мукѣ!...

LXII.

Онѣ изъ женщинъ дѣлаютъ ежа,
 Такъ что до нихъ коснуться невозможно...
 О, юноши! руками дорожа,
 Себя ведите очень осторожно,

Случайно обратясь въ служанокъ дамъ,
 Одну изъ нихъ разъ одѣвалъ я самъ
 И ей воткнулъ, приобрѣтая навыкъ, —
 Въ ея корсажъ, — сотъ нѣсколько булавокъ.

LXIII.

Но для людей разумныхъ это вздоръ,
 Хоть мудрость отъ меня и уклонялась,
 Самъ мудрствовать любилъ я съ давнихъ поръ
 И разсуждать любилъ, о чемъ попалося.
 «Наука» жь убѣгала отъ меня,
 И личное безсиліе кляня,
 Я не рѣшилъ: кто мы? откуда всѣ мы?
 И не нашелъ разгадки той проблемы.

LXIV.

Въ гаремѣ ночь. Лишь кое-гдѣ горять
 Полночныя лампы тихимъ свѣтомъ,
 Красавицы на мягкихъ ложахъ спать...
 О, если духи бродятъ въ мірѣ этомъ,
 Они должны могилы покидать
 И въ одѣяніяхъ воздушныхъ здѣсь летать.
 Они бы этимъ вкучь свой доказали
 И отъ развалинъ дикихъ отвыкали.

LXV.

Спать женщины, прекрасны, какъ цвѣты
 Различныхъ странъ въ теплицѣ благовоной,
 Гдѣ охраняютъ блескъ ихъ красоты,
 Валелѣянной заботою бессонной.
 Вотъ спитъ съ косою каштановой одна:
 Какъ нѣжный плодъ, головка склонена,
 И между устъ румяныхъ обнаружень
 Рядъ двойственный сверкающихъ жемчужинъ.

LXVI.

Другая спитъ горячимъ, свѣтлымъ сномъ,
 А на щекахъ ея пылаютъ розы,
 Спадаютъ кудри черныя кругомъ,
 И губы улыбаются сквозь грезы:

Такъ изъ-за тучъ глдитъ порой луна...
 На ложѣ разметалася она
 И обнажила полноты ревнивой
 Всю прелесть красоты своей стыдливой.

LXVII.

Вотъ третья спитъ, тяжелый видитъ сонъ.
 Она лежитъ, какъ статуя страданья,
 И снится ей далекий небосклонъ,
 Трепещетъ грудь отъ тайнаго желанья,
 И край родной встаетъ въ обманъ грезъ,
 А на рѣсницахъ видны капли слезъ:
 Такъ иногда своею каплей чистой
 Блеститъ роса на вѣткѣ кипарисной.

LXVIII.

Четвертая недвижна и блѣдна
 Раскниулась прекраснымъ изваяньемъ...
 Она бѣла, чиста и холодна,
 Какъ ручеекъ въ минуту замерзанья,
 Какъ снѣжный столбъ, какъ Лотова жена,
 Но болѣе казалась мнѣ она
 Статуею съ лицомъ отроковицы,
 Поставленной у мраморной гробницы.

LXIX.

Вотъ пятая. Она — «извѣстныхъ лѣтъ»,
 Иначе — дама въ лѣтахъ. Я не знаю
 Числа ея годовъ (мнѣ дѣла нѣтъ,
 Я годы только въ юности считаю...),
 Но красоты, увы! въ ней не найти.
 Она дошла ужъ до того пути,
 Гдѣ женщины отъ свѣта убѣгаютъ
 И о грѣхахъ минувшихъ размышляютъ.

LXX.

Но что Дуду? И какъ она спала?
 Какіе сны надъ нею пролетали?
 О томъ она сама сказать могла,
 Но въ половинѣ ночи, только стали

Ночныя лампы уже потушить,
И начинали призраки меркать,
Какъ будто въ разговоръ вступилъ кто-ли,
Дуду вдругъ закричала на постели:

LXXI.

Вся ода поднялася въ пять минутъ,
Отъ крика всѣ проснулись очень рано;
Старухи, дѣвы, внучки оббѣгутъ
Со всѣхъ сторонъ, какъ волны океана,
Всѣ въ спальнѣ собрались въ единый мигъ,
Хотятъ узнать, что значитъ этотъ крикъ;
Но я и самъ не въ силахъ догадаться,
Чего Дуду могла такъ испугаться.

LXXII.

Дуду проснулась точно, а вокругъ
Въ одеждахъ смятыхъ, въ страхѣ и тревогѣ
Стоитъ толпа сбѣжавшихся подружекъ,
Обнажены ихъ плечи, грудь и ноги,
Сіяя красотой, онѣ глядятъ
И всѣ Дуду спрашивать свидать!
Сама Дуду взволнованней смотрѣла
И милое лицо ея горѣло.

LXXIII.

Но — здѣсь должны мы быть удивлены —
Одна Жуанна лишь не пробудилась.
Такъ иногда вблизи своей жены
Храпитъ супругъ, хоть что бы ни случилось...
Весь шумъ и гвалтъ не слышала она,
Когда жь Дуду была разбужена —
Она проснулась, вокругъ себя взглянула
И съ робкимъ удивленіемъ ахнула.

LXXIV.

Тогда-то начался кругомъ допросъ;
Пустились всѣ спрашивать подробно
И за вопросомъ слѣдовалъ вопросъ...
Такъ отвѣчать ей было неудобно

И не по силамъ всѣмъ подобный трудъ,
 Не будучи «ораторомъ, какъ Брутъ» (*),
 Смущенная Дуду зашептала,
 Но словъ понятныхъ было очень мало.

LXXV.

Но наконецъ могла она сказать,
 Что ей приснился лѣсъ ужасно тѣсный, —
 (Намъ лѣсъ подобный Дантъ могъ описать,
 И посѣтить его въ тотъ возрастъ скромный,
 Когда всѣ люди мягче и ушней,
 А женщины солиднѣе и вѣрнѣе),
 Что въ томъ лѣсу деревья зеленѣли
 И чудные плоды на нихъ висѣли.

LXXVI.

А посреди ихъ яблоко росло, —
 Огромная и сочная ранета, —
 Но высоко висѣло, — вотъ въ чемъ зло; —
 Чтобъ вовсе отстранить несчастье это,
 Она его хотѣла камнемъ сбить,
 А плодъ висѣлъ, желая словно жить,
 Какъ будто бы надъ нею издвигался,
 И въ зелени на вѣткѣ лишь начался.

LXXVII.

Надежду потеряла ужъ она,
 Вдругъ яблоко къ ногамъ ея спадаетъ,
 Она стоитъ предъ нимъ, удивлена,
 Потомъ его беретъ и поднимаетъ,
 Къ губамъ своимъ подноситъ; но тогда
 Пчела вдругъ показалась изъ плода
 И прямо въ сердце ей вонзила жало
 И — вотъ она, проснувшись, закричала.

LXXVIII.

Дуду стыдливо кончила рассказъ.
 Такое замѣшательство понятно,

(*) Выраженіе Антонія въ «Юлія Цезарь» Шекспира.

Когда никто не уѣждаетъ насъ;
 Что сновидѣнье то невѣроятно.
 Мнѣ нѣкогда случалось видѣть сны
 И были сны пророчества полны
 Иль, какъ иная книга выражалась,
 Въ нихъ «совпаденіе странное» являлось.

LXXXIX.

Всѣ одалыки начали ворчать,
 Напуганы фальшивою тревогой,
 Досаду не скрывала даже «мать»:
 Чтобъ говорить съ дѣвчонкой-недогрой
 О глупомъ снѣ, вечеръ была должна
 Покинуть ложе темное она.
 Дуду, прослушавъ выговоръ, вздыхала
 И стала сожалѣть, что такъ кричала.

LXXX.

«За дѣломъ же насъ вздумала будить
 И подняла всю бѣду до разсвѣта!
 Изволила пчела, вишь, укусить!...
 Мудреный сонъ!... одно скажу на это...
 Ужь не больна ли ты, мое дитя?
 У доктора спрошу я не шутя
 Про этотъ сонъ, лишь только утромъ встанемъ
 И на тебя внимательнѣе взглянемъ».

LXXXI.

«А какого Жуаннѣ было спать?...
 На новосельи крива пенуралась!...
 Ее я не хотѣла оставлять:
 Дуду всегда смиренницей казалась,
 Пусть, думаю, съ Дуду она уснетъ...
 Теперь для избѣжанія хлопотъ
 (Хотя кровать узка, да до того ли!),
 Жуанну спать переведу я къ Млѣѣ».

LXXXII.

У Лолы глазки радостью зажались,
 Но бѣдная Дуду вдругъ зарыдала,

По блѣднымъ щечкамъ, слезы подлились отъ той вѣстой
 Она старуху нѣжно умоляла, чтобъ не забывала отъ
 Простить ей эту первую вину, чтобъ не забывала отъ
 И что она не помѣшаетъ, слушая, какъ дружно и легко
 Прелестной, цѣломудренной подружки, какъ она была сама,
 И никогда не закричитъ въ поночь.

LXXXIII.

Она дала зарокъ покойнѣй спать, чтобъ не забывала отъ
 И даже выражала удивленье, какъ она могла забыть
 Какъ это ей случилось закричать: — какъ она могла забыть
 То было безпокойное видѣнье, какъ она могла забыть
 Достойное насмѣшки, — смѣхъ и стыдъ, какъ она могла забыть
 И тутъ Дуду, принявъ усталый видъ, какъ она могла забыть
 Сказала всѣмъ, что часъ отдохновенія, какъ она могла забыть
 Прогонить въ ней весь ужасъ спознанныхъ вѣдъ.

LXXXIV.

Жуанна тутъ вступилась за Дуду, чтобъ не забывала отъ
 Что ночь спала прекрасно, рассказала, какъ она могла забыть
 И какъ подруга вскрикнула въ бреду, какъ она могла забыть
 Лишь послѣ пробужденія узнала, какъ она могла забыть
 А потому просила, чтобъ опять, какъ она могла забыть
 Оставили ее съ подругой спать, какъ она могла забыть
 Которую видѣть нѣтъ вовсе цѣли, какъ она могла забыть
 За то, что сонъ приснился ей въ постели.

LXXXV.

Когда она сказала эту рѣчь, какъ она могла забыть
 Къ ея груди Дуду лицомъ склонилась, какъ она могла забыть
 И покраснѣла вся до самыхъ плечъ, какъ она могла забыть
 Какъ, почему въ ней красна та явилась, какъ она могла забыть
 И самый полуночный этотъ крикъ, какъ она могла забыть
 Я самъ еще до нынѣ не постигъ, какъ она могла забыть
 Скажу одно, чтобъ вѣрить въ то могли все, какъ она могла забыть
 Въ моемъ романѣ факты всѣ правдивы, какъ она могла забыть.

LXXXVI.

Здѣсь пожелаемъ доброй ночи вамъ, какъ она могла забыть
 Иль пожелаемъ добраго утра вамъ, какъ она могла забыть.

За тѣмъ, что въ царь тотъ солнцемъ воденуи,
 Скалистый берегъ былъ ужь озаренъ,
 И на мечети видѣлъ сквозь туманъ
 Рогъ мѣсяца огромный караванъ,
 И подъ лучами утренней Авроры
 Онъ пробирался медленно чрезъ горы.

LXXXVII.

Едва на небѣ вспыхнула заря,
 Гюльбея съ ложа быстро соскочила,
 Отъ скрытой тайны мучась и горя,
 И станъ вуалью легною прикрыла.
 Есть басня: пѣлъ влюбленный соловей
 Намъ о тоскѣ мучительной своей,
 Но тотъ еще мучительнѣе страдаетъ,
 Чье сердце страсть сокрытая сжигаетъ.

LXXXVIII.

Смыслъ этой басни каждый объяснитъ,
 Когда онъ ей проникнется понюгомъ,
 Читатель снисходительный полнитъ
 И не всегда онъ осуждаетъ строку,
 А всѣ писатели между собой
 Вступали часто въ очень жаркій бой,
 Вражда межъ ними долго не дремала.
 Лишь потому, что ихъ число не мало.

LXXXIX.

Гюльбея съ ложа встала. Сибаритъ,
 Тотъ, у кого такая нѣжность кожи,
 Что листъ цвѣтка, коснувшись къ ней, вредить,
 Еще не могъ лежать на лучшемъ ложѣ.
 Она стоитъ прекрасна, но блѣдна,
 Измучена борьбой, утомлена
 И даже — такъ въ султанѣ кровѣ видѣла,
 Она и въ зеркало не посмотрѣла.

XC.

Почти въ одно съ ней время всталъ супругъ,
 Могучій властелинъ большихъ владѣній,

Высокій мужъ, желѣ постывшій вдругъ,
 Что, впрочемъ, не дасть большихъ мученій;
 Мужьямъ, имѣвшимъ очень много жести,
 И этимъ могъ быть только пораженъ
 Несчастный мужъ, которому законы
 Кладутъ запретъ брать двухъ красавицъ въ жоны.

XCI.

О чувствахъ жонъ знать не хотѣлъ султанъ,
 Красавицъ онъ вокругъ себя собираетъ,
 И сознавая свой высокій санъ,
 Ихъ всѣхъ минутной прихотью считаетъ,
 А потому для отдыха отъ дѣлъ
 Онъ множество черкешенокъ имѣлъ,
 Хотя питалъ, какъ говорилъ я раньше,
 Особенное чувство къ той султаншѣ.

XCII.

Владыка омовенья совершилъ,
 Молитвы и обычай востока,
 Шестъ чашекъ кофе разомъ осушилъ
 И вышелъ вонъ, задумавшись глубоко,
 Чтобъ о Россіи новости узнать...
 Ея побѣды стали всѣхъ пугать....
 . . . . .
 . . . . .

XCIII.

. . . . .
 . . . . .

XCIV.

. . . . .

XCV.

Когда бъ царьца Руси и султанъ
 Вникали въ интересъ свой безъ раадора
 (Что рѣдко межъ правителями странъ),
 То ихъ вражда окончилась бы скоро
 И ссора не могла бы ихъ смутить.
 . . . . .

• • • • •
• • • • •

ХСVI.

Теперь же, озабоченный войной,
Султанъ сзываетъ дворъ на совѣщанье:
Какъ бой десяти съ воеводиною женой,
А между тѣмъ вокругъ слышалось роптанье
Народныхъ массъ за новую войну;
О ней молва встревожила страну;
Во избѣжанье новаго налога,
Слухъ о войнѣ всѣ осуждали строго.

ХСVII.

Гюльбея удалилась въ будуаръ,
То былъ пріютъ любви, уединенья,
Таинственный пріютъ волшебныхъ чаръ...
Вкругъ золото, безцѣнныхъ каменья
Могъ встрѣтить тамъ смущенный, робкій взоръ,
Сверкаетъ въ яркой зелени сарфоръ,
И вазы ароматы раздвигаютъ,
Гдѣ плѣнные цвѣты благоухаютъ.

ХСVIII.

И перламутръ, и мраморъ, и персидъ,
Прекрасное жилище украшали...
Какъ будто восхваляя новый міръ,
У оконъ птички нѣжно цобетали,
Цвѣтныя стекла тамъ мѣняли свѣтъ...
Для выраженья словъ прелестныхъ нѣтъ,
Чтобъ описать пріютъ уединенья,
Пускай дополнитъ ихъ воображенье.

ХСIX.

Къ себѣ Гюльбея Бабу призвала,
И приказавъ ввести къ себѣ Жуана,
Распрашивать въ волнецахъ начала,
Утаена ли тайна ихъ обмана,
Какъ Донъ-Жуанъ въ гаремъ былъ отведенъ,
Себя умѣлъ ли выдержать тамъ онъ?

Но, главное, узнать спѣшила очень,
Какъ, гдѣ и съ кѣмъ провелъ всю эту ночь онъ.

(С.)

На всѣ вопросы Баба отвѣчала
Гюльбеѣ съ замѣшательствомъ, теряясь,
Что онъ старался,.. долгъ свой исполнить..
Но, видно было, часто заикаясь,
Онъ что-то скрыть хотѣлъ на этотъ разъ,
И прикрываясь путаницей фразъ,
Лишь за ухо хватался онъ, а это
Мы дѣлаемъ, не находя отвѣта.

(СІ.)

Терпѣніе Гюльбеѣ не далось,
Хотѣлось ей, чтобъ дѣлалось все живо:
Не получивъ отвѣта на вопросъ,
Распрашивала вновь нетерпѣливо.
Когда жъ онъ говорить толковѣй сталъ,
Въ ея лицѣ румянецъ запылалъ,
Глаза, какъ угли, стали загораться,
А вены алой кровью наливались!

(СІІ.)

Негръ, видя исмаженное лица,
Молилъ, чтобъ успокоилась Гюльбея
И выслушать рѣшилась до конца,
Затѣмъ повѣствовалъ онъ ей, робѣя,
Что Донъ-Жуанъ Дуду быль поручень,
Но только виноватъ быль въ томъ не онъ;
Клялся горбомъ верблюда и кораблемъ,
Что тамъ не могъ слѣдить онъ за Жуаномъ!

(СІІІ.)

«Начальница гарема въ тотъ же часъ,
Когда дѣвицы стали раздѣваться,
Сама судьбой Жуана занялась,
И я не могъ въ гаремъ оставаться.
Старуха все устроила одна,
А я — я рабъ: мнѣ смѣлость не дана»

(Къ тому жь могло родиться подозрѣнье)
Не признавать ея распоряженья.

CIV.

«Но что Жуанъ умѣлъ себя держать —
Въ томъ всякое сомнѣнье невозможно;
Онъ понималъ, что можетъ пострадать,
Начавъ вести себя неосторожно,
За первую оплошность тотчасъ могъ
Попастъ безъ церемоній въ мѣнюкъ»...
Такъ онъ шепталъ, но, съ хитростью араба,
О снѣ Дуду не заикнулся Баба.

CV.

Онъ умолчать объ этомъ разсудилъ,
И вновь опять разсказывать пустился,
Хотя о томъ никто ужъ не просилъ.
Гюльбен умъ какъ будто помутился...
Предъ ней кружилось все со всеѣхъ сторонъ,
Въ глазахъ — туманъ, въ ушахъ — какой-то звонъ,
И на лицо прекраснаго созданья
Спустилась тѣнь безмолвнаго страданья.

CVI.

Казалось, чувство она лишится вдругъ,
Но негръ ошибся въ этомъ: съ нею были
Конвульси, — среди ужасныхъ мукъ,
Онѣ лицо Гюльбен исказили.
То омертвѣнье многіе изъ насъ,
Быть можетъ, уже видѣли не разъ...
Что въ тѣ часы Гюльбен испытала,
Она сама едва ли сознавала...

CVII.

Какъ на треножникѣ волшебница, она
Мгновеніе въ конвульсіяхъ стояла,
Отчаяньемъ нѣмымъ вдохновлена,
Ей боль на части сердце разрывала...
Потомъ ей силы стали измѣнять,
Гюльбен начала ослабѣвать

И медленно упада на сиденье,
Склонивъ чело безъ всякаго движенья.

CVIII.

Лица ея не видно. Какъ каскадь,
Какъ вѣтви ивы, волосы спадали
Съ дивана невысокаго назадъ
И мраморъ плитъ холодныхъ подметали.
Грудь поднималась, словно какъ волна,
Когда къ подножью скалъ бѣжить она,
И встрѣтивши препятствіе, готова
Нахлынуть на скалистый берегъ снова.

CIX.

Густая прядь волосъ ея мегла
Служить густой вуалью для турчанки;
Одна рука откинута была,
Какъ алебастръ бѣла, на оттоманкѣ...
Зачѣмъ я не художникъ, а поэтъ?
Зачѣмъ слова не краски? Въ словѣ нѣтъ
Ихъ силы чудотворной и въ поминѣ:
Словами дашь намекъ лишь о картинѣ.

CX.

Негръ опытный исполнѣ науку звалъ,
Когда молчать, когда промолвить слово,
Теперь же предъ Гюльбеей онъ молчалъ
И ждалъ, когда она охнетъ снова.
Но вотъ она въ молчаніи встаетъ
И медленно по комнатѣ идетъ.
Чело яснѣй, но очи мрака полны:
Гроза прошла, но не утихли волны.

CXI.

По комнатѣ султанша начала
Порывисто ходить. Въ томъ нѣтъ сомнѣнья,
Что та походка признакомъ была
Сильнѣйшаго душевнаго волненья.
Людей мы по походкѣ узнаемъ.
Саллюстій самъ упоминалъ о томъ

И въ книгѣ разсказалъ не безъ причины
О бѣшеной походѣ Котомлыны.

СХІІ.

И вотъ она уста раскрыла: — «Рабъ!
Винныхъ двухъ введи сейчасъ, но мнѣ ты...
Хоть у нея былъ голосъ тихъ и слабъ —
Звучали въ немъ адовѣщія примѣты.
Негръ даже вздрогнулъ, но не уходилъ,
Съ лукавствомъ онъ ее переспросилъ,
Во избѣжанье новаго скандала,
Кого она дивными считала?»

СХІІІ.

— «Грузинку и...» прибавила она, —
«Ея любовница, при томъ же, — встаети —
Черезъ пять минутъ здѣсь лодка быть должна...»
Она едва произнесла слова тѣ,
Чему въ душѣ былъ Баба очень радъ
И умолялъ приказъ тотъ взять назадъ;
Просилъ онъ бородою Магомета
Гюльбею отмѣнить рѣшенье это...

СХІV.

— «Повиновенья — долгъ мой. Ты могла бы
Какое хочешь дать мнѣ приказанье,
Но выслушай, что скажетъ вѣрный рабъ:
Не торопись исполнить наказанье!
Къ чему поспѣшность эта? Погоди!..
Она сулитъ дурное впереди...
Не гибелью тебя пугать хочу я;
Но лишь твое раскаянїе чуя,

СХV.

«Скажу одно: что будешь вѣлать ты,
Хотя бы тайну волны поглотили,
Гдѣ въ пропастьхъ средѣ вѣчной темноты
Уже не мало жертвъ мы скоронили?
Ты любишь гостя юнаго, — пусть онъ
Умретъ въ волнахъ, тобой не пощажень,

Чего же этимъ можешь ты добиться?
Убить его не значитъ — излечиться...

СХVI.

— «Какъ смѣешь говорить ты про любовь!
Вонъ, негодий! Исполни повелѣнье!
Тутъ негръ изчезъ, болтать не смѣя вновь:
Онъ понималъ, что зѣнъ рассужденъ
Его, пожалуй, къ петлѣ приведутъ.
И нехотя онъ шелъ на новый трудъ,
Къ двумъ жертвамъ не питая вовсе злобы,
Но... жертвовать собой для нихъ смѣшно бы!»

СХVII.

И такъ, онъ шелъ чтобъ выполнить приказъ,
Ворча, браня всѣхъ женщинъ разныхъ званій,
Капризы ихъ, упорство, рядъ проказъ
И баловство причудливыхъ желаній...
Все это слугъ сбывало только съ ногъ.
И Баба, какъ евнухъ, сознаться могъ
Передъ людьми и передъ цѣлымъ свѣтомъ,
Что счастливъ онъ своимъ нейтралитетомъ.

СХVIII.

Межъ тѣмъ онъ шлетъ за жертвами въ гаремъ,
Чтобъ парочка одѣлась, причесалась
Какъ можно аккуратнѣй, и затѣмъ
Идти къ султаншѣ съ нимъ приготовлялась:
Любезно пожелала такъ она...
Дуду была той вѣстью смущена,
Изчезла и веселость Донъ-Жуана,
Но все же ихъ ведутъ къ женѣ султана.

СХIX.

Но здѣсь я ихъ оставлю. Можетъ быть,
Простила ихъ жена султана вскорѣ,
Иль просто ихъ велѣла утопить,
Какъ водится въ странѣ той, въ темномъ морѣ,
Но забѣгать не стану я впередъ,
Пускай сама исторія течетъ;

Угадывать не приложу старанья
Капризныхъ жонъ и волю и желанья.

СХХ.

И такъ, я ихъ оставляю и вполнѣ
Желаю имъ удачи и спасенья.
Здѣсь нужно о другихъ подумать мнѣ
И выставить нныя приключенья.
Надѣюсь, что спасется Донъ-Жуанъ,
Хоть вокругъ него мракъ ночи и туманъ...
Поэты отступаютъ, не краснѣя —
И рѣчь начну въ той пѣснѣ о войнѣ я.

ДМИТРІЙ МИНАЕВЪ.

СОВРЕМЕННОСТЬ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Н. А. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ СІХ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА

==
1865